

политического уровня. Такая переориентация оправдана спецификой социальной ситуации в России и существованием жесткой идеологической цензуры.

-
1. Цит. по: *Смирнов И.* Прекрасный дилетант: Борис Гребенщиков в новейшей истории России. М., 1999.
  2. *Макаревич А.* Сам овца. М., 2001.
  3. *Кормильцев И., Сурова О.* Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // *Русская рок-поэзия: текст и контекст.* Тверь, 1998.
  4. *Троцкий А.* Рок в Союзе: 60-е, 70-е, 80-е. М., 1991.
  5. *Смирнов И.* Время колокольчиков: Жизнь и смерть русского рока. М., 1994.
  6. Пресли Э. Love me Tender. URL: <http://www.akkordi.ru/song-664-11058.html>
  7. Цит. по: *Скороденко В. А.* Стихи и песни «Битлз». М., 1993.
  8. *Науменко М.* Если будет дождь [цит. по фонограмме «Легенды русского рока». 1996].
  9. *Гребенщиков Б.* Не песни. Тверь, 1997.
  10. *Науменко М.* Страх в твоих глазах [цит. по фонограмме «Легенды русского рока». 1996].
  11. *Кинчев К.* Волна // *Барановская Н.* Константин Кинчев: Жизнь и творчество : Стихи. Документы. Публикации. СПб., 1993.

В. А. Липатов
г. Екатеринбург

Дедовщина и инициация

Объектом нашего исследования стала современная российская армия, точнее, *солдатская поэзия* последних двух десятилетий, а *проблемой* – отражение в этой поэзии «дедовщины», социальной болезни, поразившей, словно раковые метастазы, практически все подразделения этой силовой структуры.

«Дедовщина» как социально-психологическая проблема стала развиваться примерно с 1970-х годов, после того, как завершилась смена поколений в корпусе офицеров и сверхсрочников. На смену бывшим фронтовикам или их непосредственным ученикам пришла новая формация профессиональных военных, среди которых было немало тех, кто

службу в армии рассматривал не как служение, а как работу «от и до», воспитанием молодых солдат заниматься не умел или не хотел, перекладывая этот нелегкий труд на сверхсрочников, а они, в свою очередь, передоверяли это сержантскому составу, то есть молодым людям, всего лишь на полгода-год старше своих воспитанников. Младшие командиры, не имея ни опыта воспитательной работы, ни харизмы, вынуждены были прибегать к помощи старослужащих, «дедов», предоставляя последним некоторые послабления по службе.

Изменился и состав призывников. На смену поколению, воспитанному в условиях тоталитаризма, пришли молодые люди нередко с завышенной самооценкой – результат исторически объективного процесса индивидуализации:

Приказ министра обороны:
«Собрать с гражданки всех “блатных”,
Всех дураков и всех “отпетых”,
И всех, кто фирменно одеты,
Собрать в единую *толпу*, Да не во сне, а наяву,
Собрать и бросить прямо в ад,
Где каждый будет там солдат» [1].

Превратить толпу в «высокоорганизованную искусственную массу», как называл армию З. Фрейд, можно, растворив личность в коллективном бессознательном, заставив ее почувствовать себя частицей единого мощного организма, волю которого она должна беспрекословно выполнять вплоть до самопожертвования. В русской армии, изначально набиравшейся преимущественно из крестьян, которые воспитывались в традициях общинного коллективизма, процесс адаптации к армейским условиям проходил относительно безболезненно. Эпоха советского тоталитаризма с ее многочисленными формальными организациями психологически тоже готовила молодого человека к службе в вооруженных силах. Однако наступившая эра либерализма внесла свои коррективы.

Растущее год от года противоречие между личностью и армейским коллективом неумелые воспитатели старались ликвидировать или хотя бы снизить не только кулаком и даже сапогом, но словом, в том числе поэтическим, а также системой переходных обрядов. В результате рядом с официальной сформировалась самая настоящая неуставная система со своей идеологией, обрядами, должностными обязанностями и поэзией.

«Дух» и «слон», «черпак» и «дед»
Собрались как-то на совет,

Чтобы разом разрешить,
Кому и как с другими жить.
«Дух» есть «дух» – ему работа,
А «слону» блюсти забота,
«Черпаку» на них орать,
Ну а «деду» наблюдать [2]...

В этой системе есть своя жесткая иерархия, свой неофициальный «устав» и даже своя присяга:

Я, «салага», «бритый гусь»,
Я торжественно клянусь:
Масло, мясо не съедать,
«Старикам» все отдавать,
Сигареты им носить
И посуду чисто мыть,
Зад «шакалам» не лизать,
Целый день летать, летать,
По команде «Ой, один»
Появляться, словно джин,
Никогда не тормозить,
На два года дом забыть [3].

Таким образом, *прессинг коллективного бессознательного, трансформировавшийся в последние десятилетия в насилие, и следует называть «дедовщиной».*

Поэзия коллективного бессознательного, или *фольклор*, с одной стороны, отражает процессы, происходящие в армии, а с другой, предлагая стереотипы поведения, помогает быстрее адаптироваться к требованиям службы как по уставу, так и неуставной. Выработанные в обстановке казарменного безделья и официальной бесконтрольности ритуалы формировали парадигму кадрового роста вне зависимости от должности и воинского звания:

Полгода мы летаем,
Полгода мы живем,
Полгода мы гоняем,
Полгода «дембель» ждем [4].

Если ты без сна опух,
Значит, ты всего лишь «дух»;
Если спишь ты кое-как,
Значит, ты уже «черпак»;
Если ты проспал обед,
Спору нет уже: ты «дед» [5].

«Дух», «слон», «черпак», «дед» – все эти прозвища, безусловно, знаковые. «Дух» – значит, пока еще чужой в армейском коллективе, «дом», «гражданка» с их индивидуализмом из этих новобранцев еще не выветрились. Не случайно в некоторых частях солдат, еще не принявших присягу, называют «*запах*». Переход на новый уровень через полгода обозначается поркой солдатским *ремнем*. Пояс, ремень – символ привязанности к новому коллективу. Например, в свадебном обряде вытканый невестой пояс – традиционный подарок родне жениха.

Следующий переход – еще через полгода. За прошедший с момента призыва год солдат «*понял службу*», знает, какие и чьи приказания действительно следует выполнять, а что можно пропустить мимо ушей. *Зачерпнул* он сполна и солдатской мудрости, в том числе выраженной в афоризмах и малостиших. Посвящаемого на этот раз бьют по заднице уже камбузным *черпаком*, и имя ему в следующие полгода будет «*черпак*».

Следующая высшая ступень неуставной иерархии – «*дед*». «Он всегда прав», как записано в «неуставном уставе». Предполагается, что на этом этапе армия выполнила свою воспитательную функцию: личность «умерла», растворилась в коллективном бессознательном. Переходный обряд из «черпаков» в «деды» состоит в том, что старослужащего что есть мочи хлещут по заду... *ниткой*. «Умерла» личность, значит, перестало чувствовать и тело.

Зато родился полноценный *солдат*. Об этом красноречиво свидетельствует, например, «дембельский» альбом, где фотографии владельца как бы затерялись, «растворились» среди десятков фотографий сослуживцев. Родился, как утверждают многочисленные фольклорные афоризмы и малостишия, и *мужчина*:

Запомни истину одну (по ней слагаются былины):
Уходят в армию юнцы, а возвращаются мужчины [6].

Словом, армия не только воспитала солдата в духе традиционного коллективизма, подготовила классного военного специалиста, она еще и превратила юношу в мужчину. Иначе говоря, за время срочной службы юноша прошел ритуал *инициации*.

Для чего мужчина нужен армии – понятно: на каждого генерала должно приходиться до тысячи человек личного состава, то есть без молодых мужчин армия просто не может существовать. Следовательно, зная количество высших офицеров, можно, конечно, весьма приблизительно, подсчитать численность наших вооруженных сил. Генералов у

нас, как сообщают открытые источники, до недавнего времени было около 1 200 человек. Отсюда *избыточность* современной армии.

Но для чего армия нужна молодому человеку? Да, «есть такая профессия – Родину защищать», как совершенно справедливо говорят герои культового фильма «Офицеры». «Профессия», но не срок, похожий на заключение. При уровне современной военной техники за два года, а, тем более, за год ею в совершенстве не овладеешь. Следовательно, военные профессии, которые мы там получаем, большинству на «гражданке» не пригодятся, а учитывать личные склонности призывников в нашей армии не умеют.

Причастность к коллективному бессознательному, которая формируется, в том числе, и «дедовщиной»? Как говорится...

Сегодня «дух», а завтра «дед»,
А послезавтра человек [7].

Так вот, для современного человека «коллективное бессознательное» тоже оказывается неактуальным. Ведь он идет по пути индивидуализации, а потому армейское братство рано или поздно забывается.

Наконец, вырванный из контекста гражданской жизни военнотружущий в лучшем случае оказывается на той исходной точке своей биографии, от которой шагнул за ворота КПП, отстав от тех, кто избежал службы на долгих и невосполнимых два года.

Что получил взамен? Звание мужчины? Но завести семью на то, что есть у демобилизованного солдата, невозможно. Девушка, если она дождалась молодого человека, либо остается ни с чем, либо вскоре разведется, не выдержав житейской неустроенности.

Эх, армия, чужая сторона.
Два года глухо, словно в танке,
Но все равно нам армия нужна,
Чтобы понять все прелести «гражданки» [8].

Отсюда следует, что молодые люди бегут не от службы – им необходима программа поддержки демобилизованных военнотружущих. Без нее служба как инициация оказывается фикцией.

А вот «дедовщина» – это реальность и, как свидетельствуют сами военнотружущие, в условиях современной армии неизбежность. *Варварская* по сути своей структура при ослабленной работе по укреплению уставной воинской дисциплины стала заслоном для настоящей *дикости*, когда каждый новый призыв, особенно набранный в регионах, где сильна национальная и клановая сплоченность, старался бы захватить лидерство

в подразделении, игнорируя уставные и неуставные правила и традиции. Так что...

«Дедовщина» – это рай,
Только зубы собирай [9].

-
1. ФА УрГУ. Ед. хр. 4. Оп. 2. № 512; Ед. хр. 11. Оп. 2. № 2.
  2. Там же. Ед. хр. 4. Оп. 1. № 423; Ед. хр. 16. Оп. 2. № 200; Ед. хр. 21. Оп. 7. № 49.
  3. Там же. Ед. хр. 16. Оп. 1. № 443; Оп. 5. № 2; Ед. хр. 18. Оп. 2. № 19.
  4. Там же. Ед. хр. 1. Оп. 4. № 290; Ед. хр. 8. Оп. 3. № 53; Оп. 4. № 27; Оп. 5. № 28; Ед. хр. 10. Оп. 1. № 304; Ед. хр. 11. Оп. 1. № 60; Ед. хр. 12. Оп. 3. № 41; Ед. хр. 16. Оп. 1. № 308; Оп. 2. № 229; Ед. хр. 18. Оп. 2. № 60; Оп. 9. № 37.
  5. Там же. Ед. хр. 3. Оп. 5. № 397; Ед. хр. 8. Оп. 3. № 52; Оп. 4. № 12; Ед. хр. 11. Оп. 2. № 59.
  6. Там же. Ед. хр. 1. Оп. 1. № 19; Ед. хр. 3. Оп. 3. № 282; Ед. хр. 4. Оп. 1. № 421; Ед. хр. 10. Оп. 1. № 321; Ед. хр. 16. Оп. 1. № 89. Ед. хр. 16. Оп. 2. № 2007. Ед. хр. 18. Оп. 3. № 55. Ед. хр. 19. Оп. 4. № 55.
  7. Там же. Ед. хр. 11. Оп. 1. № 56. Ед. хр. 16. Оп. 2. № 77.
  8. Там же. Ед. хр. 10. Оп. 1. № 236. Ед. хр. 12. Оп. 3. № 65; Ед. хр. 16. Оп. 1. № 275.
  9. Там же. Ед. хр. 11. Оп. 1. № 15; Ед. хр. 16. Оп. 1. № 169; Оп. 2. № 58.

С. В. Мошкин*
г. Екатеринбург

Окопные листовки как жанр военной пропаганды

Почти все крупномасштабные войны XX века сопровождались пропагандистскими усилиями воюющих сторон с целью деморализовать и разложить изнутри вражескую армию, склонить солдат неприятеля бросить оружие и сдаться в плен.

В годы Второй мировой войны на этом поприще особо преуспела нацистская Германия, «ибо пропаганда, – считал А. Гитлер, – является тем же орудием борьбы, а в руках знатока этого дела – самым страшным из орудий» [1, с. 149]. К моменту вторжения на советскую территорию в немецких войсках, предназначенных к войне на Восточном фронте, было сформировано девятнадцать рот пропаганды и шесть взводов военных корреспондентов СС. В их состав входили военные журналисты, пере-

---

* Мошкин Сергей Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

© Мошкин С. В., 2009